

НАША ИСТОРИЯ

Новую страницу истории Центральной Азии сегодня читателю открывает кандидат исторических наук Ольга СУМАРОВА.

На службе у языков народов Центральной Азии

Рубеж XIX-XX веков стал уникальным периодом в истории языков народов Центральной Азии, коренным образом переломившим ход их развития. Всего столетия понадобилось прогрессивным представителям российской интеллигенции, чтобы осознать их интеграционную значимость и вывести на новый качественный виток развития. Огромную роль в этом процессе сыграл феномен офицера российской императорской армии — автора первых научных памятников живых языков Туркестана.

Интеграционный фактор

К середине XIX столетия внешнеполитическая конъюнктура внесла значительные коррективы в вопросы языковой политики Российской империи, возложив на азиатские языки наряду с русским задачу культурного сближения двух цивилизаций. Впервые её обосновал в 1818 году президент Императорской академии наук С. Уваров, назвавший Восток «колыбелью цивилизации», а восточные языки — «великим орудием». Спустя 65 лет реализовать этот принцип на практике попытался третий генерал-губернатор Туркестана Н. Розенбах. В своих «Записках» он вспоминал, что, «желая по возможности содействовать распространению русского языка в населении», вместе с тем «требовал от чинов русской администрации, имеющей непосредственные сношения с туземцами, изучения туземных[1] наречий».

Именно в тот период — с учреждением 11 июля 1867 года Туркестанского генерал-губернаторства — нехватка лиц, знакомых с языками, нравами и обычаями Центральной Азии, способных выполнять одинаково хорошо как военные, так и дипломатические задачи, стала ощущаться наиболее остро. «Россия заключает в себе до 8 000 000 людей, говорящих наречиями тюркского и персидского корня, — писал в 1875 году в предисловии к одному из своих лингвистических трудов военный востоковед и историк М. А. Терентьев. — Большею частью своих границ Россия соприкасается к странам, где господствуют восточные языки. <...> Существует взгляд, что в случае нужды Министерство иностранных дел даст нам сколько угодно переводчиков. В том-то и беда, что не «сколько угодно», а сколько есть. Есть же весьма мало...»

Компенсировать дефицит собственных переводческих кадров удавалось на первых порах главным образом за счёт местных толмачей — уклонявшихся от рекрутского набора, слывших своим невежеством и смелым авантюризмом сибирских, оренбургских киргизов и татар. «...Соврать, перевернуть, умышленно передать другое, — писало в 1882 году «Восточное обозрение», — и тут же на глазах в присутствии самого чиновного лица научить своего клиента туземца, что следует отвечать на слова противника или должностного лица — дело совершенно лёгкое для этих пройдох-переводчиков, знающих сколько-нибудь наши законы и слывающих в туземной среде за законников».

Саттар-хан Абдулгафаров, первый коренной туркестанец, освоивший русский язык, называл деятельность подобных интерпретаторов «первым далеко не безвредным орудием», не только наносившим удар по авторитету русской власти в крае, но и способствовавшим развитию коррупционных отношений.

Закрывать глаза на это явление означало погубить едва пробившиеся ростки евразийской интеграции.

С Туркестаном — на его языке

Одним из ответов на социально-политический запрос времени стало открытие в Санкт-Петербурге в 1883 году по соглашению военного министерства и министерства иностранных дел пробных офицерских курсов восточных языков при Учебном отделении восточных языков (УОВЯ) Азиатского департамента МИД. В феврале 1885 года — ровно 135 лет назад — их официальный статус был закреплён подписанием положения, знаменовавшего начало целенаправленной подготовки военных переводчиков в России для службы в Центральной Азии.

Количество желавших обучаться на курсе восточных языков УОВЯ превосходило самые радужные ожидания: в 1883 году на пять мест от одного только петербургского округа претендовали 50 «окончивших курс военных училищ и других высших учебных заведений, <...> всех родов оружия, до чина поручика гвардии и штабс-капитана армии включительно», «благонамеренных, отличившихся хорошею, нравственною жизнью» офицеров.

Вступительные экзамены в Санкт-Петербурге предварялись отборочными испытаниями на местах при окружных штабах. Выдержавшие их офицеры направлялись на экзамены в столицу, где сдавали географию Азии и Европейской Турции, военную топографию, ситуационное черчение, французский язык, являвшийся опорой в преподавании восточных языков, и, конечно же, язык отечественный — русский, на котором абитуриентам предлагалось написать сочинение на одну из тем, позволявшую судить не только об их грамотности, но и о знакомстве с Востоком.

Лучшим из лучших предстояло в течение трёх лет изучать мусульманское право и пять языков — арабский, турецкий, персидский, французский и татарский. О специфике лингвистической подготовки военных переводчиков, готовившихся к службе в Центральной Азии, писал военный географ, востоковед А. Снесарев, овладевший за свою жизнь 14 языками: «...востоковед должен подойти к народу вплотную, должен овладеть его орудием мысли и общения, т. е. изучить язык. Каков этот язык? Не прежний вылощенный язык, отлитый в чудных классических формах, а язык пёстрый, несовершенный, часто, скорее, говор, но зато язык живой живого народа. <...> При этом изучение языка, нося строго практический характер, не должно быть лишено достаточно глубокого теоретического базиса».

Системная подготовка кадров военных востоковедов-переводчиков для Центрально-Азиатского региона с 1897 года осуществлялась, кроме того, в Ташкентской офицерской школе восточных языков,

где наряду с урду преподавались персидский, афганский, китайский и сартовский языки[2]. Пройдя двухгодичный курс обучения, слушатели направлялись на четыре месяца в командировку в места компактного проживания носителей изучаемых языков, а, вернувшись, должны были продемонстрировать умение читать на данном языке статьи из газет, рукописные тексты, разбираться в прочитанном и передавать по-русски содержание с объяснением встречающихся грамматических форм, писать записки простейшего содержания, вести устную беседу на несложные темы из военной или обыденной жизни.

Сердцем и душой Ташкентской школы стал её заведующий военный инженер И. Ягелло. «Усердный и весьма полезный деятель по преподаванию восточных языков, которые любит и знает хорошо, — писал о нём генерал-квартирмейстер штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Л. Федяй. — Умственных способностей хороших. Нравственных правил твёрдых. Характера ровного, спокойного; тактичен и скромн. <...> Нахожу, в общем, очень полезным работником, особенно для целей насаждения знаний и практического изучения местных восточных языков и наречий».

Насаждал, однако, учёный в погонах не только знания: под его руководством Ташкентская школа встала в ряд тех, кто двигал вперёд восточное языкознание. Не отставали и преподавательский состав, и выпускники офицерских курсов восточных языков при УОВЯ. Интуитивно к середине XIX столетия Россия пришла к чёткому пониманию того, что овладения национальными языками было недостаточно для того, чтобы они стали столь же эффективным инструментом мягкой силы, как и язык государственный. На выручку пришла учёность офицерского корпуса российской императорской армии.

Не штыком, а пером

Рост геополитического соперничества в Центральной Азии и желание обладать максимально полной информацией об оппонентах вынуждали многие европейские страны осуществлять подготовку как гражданских, так и военных востоковедов-переводчиков. В 1754 году в Вене начала свою работу Публичная школа восточных языков — *öffentliche Lehranstalt für Orientalische Sprachen*. Аналогичное учебное заведение — *Ecole speciale des langues orientales vivantes* — открылось в 1795 году в Париже. В 1888 году в Неаполе в Королевский восточный институт (*Regio instituto orientale*) был преобразован в Китайский колледж. Годом ранее в Берлине по инициативе рейхсканцлера Отто фон Бисмарка была организована Семинария восточных языков (*Seminar für Orientalische Sprachen*), символично прекратившая своё существование сразу после поражения немецких войск под Сталинградом в 1943 году.

Все они преследовали как практические, так и теоретические цели. Однако ни одно из этих учебных заведений не создало ни теоретической, ни практической базы для развития национальных языков вожделенного региона.

Справедливости ради стоит отметить, что вплоть до начала XX века развитие национальных языков, функционировавших лишь в разговорных формах, в Туркестане оставалось на периферии и собственно национальных интересов. Никто из туркестанских учёных, писал Ф. Керенский, никогда не думал «о систематическом изучении сартовского языка, на котором говорят, и персидского, на котором читают и пишут. Оттого многие образованные по-своему туземцы пишут безграмотно на родном языке. Пренебрежительные отношения к нему вошли в привычку и слышатся в поговорке: язык арабский — святыня, персидский — гадость, тюркский — нечисть».

Языковая ситуация в Центрально-Азиатском регионе стала меняться лишь со всплеском научного интереса к национальным языкам в среде российской военной интеллигенции, представители которой, изучая искусство перевода, одновременно создавали для этого научную и учебно-методическую базу. Более 20 фундаментальных работ — грамматик, словарей, разговорников и монографий — было издано преподавателями и выпускниками Ташкентской офицерской школы восточных языков за первые 13 лет работы. Огромное число лингвистических трудов публиковалось на страницах изданий военного ведомства, Российской императорской академии наук, других научных изданий по итогам стажировок, военно-географических миссий и статистических отчётов.

Применяли свои знания в научной деятельности и выпускники офицерских курсов восточных языков при УОВЯ. Перу одного из них — военному изобретателю, ориенталисту генерал-майору М. Терентьеву принадлежит один из первых учебников — «Грамматики турецкого, персидского, киргизского и узбекского языков», в котором киргизский язык впервые получил систематическое научное описание на русском языке с использованием модифицированной кириллицы.

«Ознакомившись с учебниками, по большей части иностранными, — вспоминал автор, — я испытал на самом себе все их неудобства, изведал на деле, как мало облегчают они труд начинающего и как много работы взваливают на его плечи». Так возникла мысль составить учебник, который удовлетворял бы всем требованиям науки и в то же время давал учащемуся возможность обойтись в случае нужды без учителя.

К «Грамматикам...» Терентьев прилагал «Хрестоматии турецкую, персидскую, киргизскую и узбекскую. С приложением почерков и таблицы летоисчислений», включавшие в себя несколько десятков пословиц и семь-восемь анекдотов. Выбор малых жанров в качестве текстов для заучивания объяснялся лёгкостью их запоминания и меткостью выражений. «Пользу знания пословиц я сам испытал на деле, — подмечал автор. — Жители Востока щеголяют этим, и ничто их так не радует, как их пословица в устах чужеземца».

Всего преподавателями и питомцами этих двух учебных заведений за полстолетия издано более ста научных работ, во многом предопределивших судьбу национальных языков региона и задавших высокую планку дальнейших регулярных лингвистических исследований. Обязанность делать это, по мнению украинского ботаника В. Липского, налагало на них звание «русский», являвшееся в Средней Азии «синонимом чего-то великого, могучего и справедливого».